

Я Катсураги Аяко, тридцать * лет.

Десять лет назад я взяла на себя заботу о дочери почивших сестры и её мужа.

В следующем месяце у меня будет день рождения, мне исполняется тридцать * лет.

Я жила, думая, что в будущем сосед Таккун женится на моей дочери... И вот однажды он признался.

Но не моей дочери, а мне.

Как гром среди ясного неба.

Всё вверх ногами перевернул.

С тех пор прошло несколько месяцев, много всего случилось, мы наконец начали встречаться, потом ещё много всего случилось, и вот сейчас мы живём в Токио вместе.

Небольшой срок, составляющий три месяца.

Я занимаюсь производством аниме.

А Таккун проходит практику.

У каждого свои цели и причины.

Мы здесь не просто чтобы веселиться... Но.

Чувства всё же непросто сдержать.

Самое радостное время совместной жизни — сразу после начала отношений.

Я как бы... Просто не могу быть не рада!

С утра и до вечера вместе с любимым... Что это? Я даже слишком счастлива.

И всё же.

Всё время оставаться на пике счастья было невозможно, на работе Таккуна он встретил

неожиданного человека.

Одаки Арису-сан.

Она милая студентка, а в старшей школе была одноклассницей Таккуна.

И ещё... Когда-то они притворялись влюблёнными, и после признания девушка получила отказ в прошлом.

Появилась серьёзная соперница, я перепугалась, но собралась с духом и приготовилась к суровой битве.

Даже если будет любовный треугольник, не отступлю, не буду лебезить, не подчинюсь!

Я ни за что не отдам Таккуна!

Поднялся занавес новой главы нелёгкого боя с поддельной бывшей... Думала я.

А у Арисы-сан оказывается парень есть.

Таккун ей нравится, но уводить она его не собирается.

Всё моё воображение.

Новая глава не началась.

... Ну.

В определённом смысле началась.

После случившегося с Арисой-сан мы пересмотрели наши отношения и стали чуточку ближе.

Чем ближе расстояние, тем ближе сердца и тела... И возникает вопрос, от которого не уйти.

То, от чего я всё время отводила взгляд.

Я уже не ребёнок.

И он не мальчик.

Мы взрослая пара, живущая под одной крышей.

А значит вечно от этого сбегать нельзя.

Задача, которую надо решить.

То, о чём он сказал не переживать.

То, что в журналах для подростков не рисуют.

Но мы взрослые, и не можем вечно от этого отворачиваться.

Наши отношения должны перейти на следующую ступень.

Да... Ну.

Наверное неправильно говорить об этом так.

Ничего связанного с чувством долга и ответственностью.

Не связано и с порывами типа «надо сделать» и «нельзя так оставлять».

Просто я хочу быть с ним ближе...

— ... Я морально готова, — сказала я.

Сказала.

Взяла и сказала.

Слова, после который пути назад нет.

Мой голос дрожал, но в ванной они звучали более чем отчётливо.

Сердце билось как безумное и было готово разорваться.

— А-Аяко-сан... — голос Таккуна тоже был напряжённым.

И он был... Совершенно голый.

Ну да.

Он вошёл в ванную, и тут я вломилась.

Он быстро прикрыл полотенцем промежность, но это единственное, чем он мог это сделать.

Я же... Закуталась в полотенце.

Правда под ним не было вообще ничего.

Мы в узкой ванной почти полностью голые.

— ... М.

У, что же делать?

Стоило подумать об этом, и стало жутко стыдно.

В-всё нормально будет?

Таккун ведь не станет испытывать отвращение? Всё же я перестаралась, когда ворвалась? Слишком дерзко вот так заходить в ванную? Он подумает, что я шлюшка? Подумает, что у женщины за тридцать нездоровое половое влечение!..

Но.

Ведь.

Пока не сделаешь шаг вперёд, ничего не будет.

Если не нажать педаль газа, машина не поедет, и если я сама себя не подтолкну, так и буду топтаться на месте...

«... Потому и жду. Пока ты не будешь морально готова».

Это была первая ночь совместного проживания.

Я нервничала, и он сказал мне это.

Я была рада, что он так заботлив, так здорово, что он дорожит мной... Но в то же время я испытывала беспокойство.

А?

То есть мне теперь самой говорить, когда я готова морально буду?

Типа: «Я готова».

А это не слишком сложно?

Таккун теперь будет ждать?

Вот о чём я думала.

Но... Это я всё время была пассивной.

Так что... Хватит уже.

С признания и до начала отношений я всё время на месте топталась, так что хватит мне просто ждать.

Пора сделать первый шаг.

Может одного будет недостаточно, но надо набраться храбрости.

Хоть полшажка, я должна быть напориста...

— ... Я тебя помою.

Думая обо всём, я протянула руку через плечо Таккуна, выдавила мыло, стоявшее перед зеркалом, и намылила руки.

А потом... Мыльными руками коснулась его спины.

— ... М.

Он вздрогнул.

Я ощутила ладонями его тепло, и моя голова запылала.

— Почему руками?

— Х-хм. Тебе не нравится?

— Нет. Наоборот... А, да нет... — прерывисто говорил он, а я руками мыла его спину.

Скользь, скользь.

Я гладила его мыльными руками, узнавая формы его тела. Кожа, мышцы, тепло, я всё это познавала через руки.

— Н-ну как?... Не слишком сильно?

— Нормально. Э-это... Даже приятно.

— П-приятно?

— Нет, ну... Не знаю, как правильно сказать... Я очень счастлив от того... Что ты моешь мне спину.

— Ч-что ты... Ты явно преувеличиваешь.

Я чувствовала, как тело начинало пылать.

Мужественная спина, совершенно не похожая на мою.

Ах, невероятно.

Я впервые в жизни вижу такую спину мужчины.

— Таккун, твоя спина... Довольно большая.

— Правда?

— Плечи широкие, прямо ощущается, что спина мужская. Кожа гладкая... А? Не может быть.

Ч-что у тебя с боками?..

Я была в шоке.

Со спины рука сместилась на бока, и я ощутила то, чего не ожидала.

— Т-твёрдые! Это бок, но он твёрдый!

— ... А?

— Этого ведь не может быть! Бока ведь мягкие!.. Только кожа и мышцы!.. Вот что значит накаченное двадцатилетнее тело!..

— Э-эй, Аяко-сан.

Я коснулась своего бока... Ощущение совсем другое, даже умереть хочется.

У-ува... Вообще другое.

Так ведь не бывает.

Откуда у тебя такой идеальный живот, Таккун?

Дело в молодости? Это разница между двадцатью и тридцатью?

Или же... Дело в дисциплине и тренировках?

Ах, как же я его бокам завидую.

Завидую, люто завидую!

— Аяко-сан, п-прекрати... А-ха-ха. Ты так меня трогаешь, мне щекотно... А-ха-ха-ха.

— ... Ах. П-прости, Таккун... Просто приступ чёрной зависти, вот и вышло случайно.

— Чёрной зависти...

— М. Я-я тебя помою, — переключаясь, я продолжила мыть спину.

Пены стало мало, так что пришлось добавит ещё мыло. Повезло то, что случай с боками помог немного смягчить напряжение.

— Такое... Чувство ностальгии, — сказал Таккун.

— А? Ностальгии?

— В прошлом ты так же меня мыла. Десять лет назад в дождливый день, когда я не мог попасть домой, и ты привела меня к себе и повела в ванную.

— А, ты про тот день.

Помню.

Я смущённого мальчика чуть ли не силком в ванную затащила.

Тогда я ещё не воспринимала его как мужчину...

— ... Я считала тебя ребёнком, но ты уже тогда смотрел непристойно на моё обнажённое тело.

— А-а что я мог с собой поделать. Ты ведь сама тогда зашла.

Я начала дуться, а Таккун принялся оправдываться.

— Пусть я и был маленьким, мне уже десять было. А ты обращалась со мной так, будто я в детском саду, и стала мыть...

— У...

И правда, сама виновата... Додумалась же.

Пошла в ванную с соседским младшеклассником.

Ещё и мыть его стала.

Если задуматься, та ещё ситуация.

Поменяй наш пол, и меня арестовать можно было бы.

— Т-так ведь... Таккун, ты тогда такой маленький был... И здесь очень миленький.

— М! Н-не говори, что я там миленький. Тогда у меня соответствующий возрасту был, а сейчас...

— Сейчас...

— ... Нет, ну, — он прервался.

Мы задумались об одном и том же.

Я... Просто не могла не думать.

Эта часть мужчины... И как она глубоко соединяется.

— ... М.

Напряжение разом вернулось.

Жарко.

Чем больше думаю о том, что дальше будет, тем сильнее тело пылает. В ванной влажно, но по мне пот ручьём льётся.

Чтобы успокоиться, я продолжила мыть спину... Но какой бы его спина большой ни была, вечно её мыть не получится.

Только сосредоточилась и уже домыла.

— ... Д-давай отмою спину.

Я смыла пену. Думала сделать это не спеша, а она быстро вся сошла.

Ч-что теперь делать?

Раз спину домыла... Теперь спереди мыть?

Но спереди сейчас как-то... У-у.

А, блин, вроде же была готова!..

Нет, я должна сделать шаг! Таккун тоже на это рассчитывает! Если на спине остановлюсь, он точно расстроится!

— ... Ты закончила?

— Д-да. Верно.

— Тогда дальше.

Дальше!

Всё же он на что-то надеется!

Что будет после спины!

Хочет, чтобы я спереди помыла!..

Я была в панике, но следующие слова оказались для меня неожиданностью.

— Дальше... Давай я тебя помою?

***«... Потому и жду. Пока ты не будешь морально готова».

Первая ночь совместного проживания.

Так я сказал тогда Аяко-сан.

Я думал, что в этом была заключена забота.

Но если подумать, можно сказать, что это был намёк.

Намёк на то, что я хочу.

Красивыми словами я просто перекинул всё на неё.

Пусть решает она, а я буду ждать.

Ничего тут заботливого нет.

Я просто скинул ответственность.

Боясь, что меня возненавидят, я решил не делать ничего.

На деле... Я как никто желал её.

Хотел раствориться в ней телом и душой.

В итоге за маской благородности скрыл истинные чувства.

Мы наконец-то стали влюблёнными, я хотел уважать её, любить и не навредить.

Но сейчас.

Аяко-сан самой приходится делать шаг навстречу такому жалкому парню.

Сколько ей надо было храбрости, чтобы войти в ванную в одном полотенце? Я был так поражён, что даже думать не мог, но теперь её решимость казалась мне милой.

А моя трусость... Меня бесила.

Больше я не сбегу.

Нечего мне прикрываться добрым благодетелем.

... И как бы.

Поздновато уже хорошим прикидываться. Любимая женщина в таком откровенном наряде, да я на грани того, чтобы мне голову снесло.

Хочу коснуться.

Я хочу её коснуться.

Хочу касаться любимой девушки.

— ... Т-ты правда сделаешь это, Таккун? — я видел, как она спрашивала, отражаясь в зеркале.

Мы поменялись местами.

Передо мной сидела девушка, всё ещё сомневаясь и прикрываясь полотенцем.

— Да. Я бы хотел этого.

— ... Правда?

— Правда. В благодарность теперь я помою тебе спину.

— Н-но, всё же мне неловко...

— Как и мне.

— У, у-у... — она мучилась от стыда, но вот решилась. — ... Х-хорошо, — ответила она. — Иначе как-то несправедливо получается.

— Тогда... Убери полотенце.

— ... Ага, — кивнула она и взялась за полотенце на груди.

А потом... Вшух.

Белая ткань, прикрывавшая тело, слетела.

— Ува...

Я дара речи лишился.

Спина была так прекрасна, что у меня дыхание перехватило.

На белой коже виднелись капельки пота.

И.

Линии талии переходили в линии груди. Пусть она и сидит спиной, грудь полностью не скрыть.

К сожалению... Из-за пара зеркало запотело, и увидеть её спереди я не мог.

— ... У тебя такая красивая спина, Аяко-сан.

— Что... Т-ты чего, не пялься, Таккун.

— Прости, но изгибы, идущие от спины к попке прекрасны, будто вылеплены скульптором.

— Вылеплены скульптором... Ты явно меня захваливаешь... А? К-к попке?!

Тут Аяко-сан завела руки за спину.

Ладонями она принялась прикрывать попку.

— Н-нет! Не смотри на мою попку!

Поздновато она спохватилась.

Она же голая на стуле сидит, конечно попку видно.

Её попка слегка приплюснулась на белом стульчике.

— Блин. М-мне ведь стыдно, не смотри, Таккун.

— Хотя ты и просишь... Но всё ведь видно.

— Ты-то парень, потому и не против, что на тебя смотрят.

— А это уже дискриминация по половому признаку.

— К тому же твоя попа... Худая и подтянутая... А у меня большая...

— Тебе не о чем переживать. Она женственная и красивая.

— ... Не стал отрицать, что она большая, — Аяко-сан пала духом.

Похоже неправильно я её поддержал.

М. Всё же сложно со взрослыми женщинами.

За этим разговором я намылил руки.

Собрался... И коснулся белой кожи.

— ... М, — она вздрогнула и издала сладостный стон.

— А. Тебе больно?

— Н-нет... Всё хорошо. П-просто немного щекотно, — она старалась сохранять спокойствие.

Раз Аяко-сан не была против, я продолжил.

— Ах... Потрясающе. Это намного приятнее, чем я думал.

Ладонью я ощущаю её мягкость. Чем больше глажу, тем больше хочется.

К тому же.

— М... Афу...

Похоже ей было щекотно, и Аяко-сан стонала всякий раз, как я её гладил. Такая чувствительная, что вынуждена стоны сдерживать.

Сердце подскочило.

Странное ощущение, но самое настоящее.

— ... Таккун, ты как-то развратно меня моешь, — повернув одну голову, сказала Аяко-сан.

Она дулась и паялилась на меня.

— А? Да нет, обычно... — тут же оправдался я. Ну... Если спросить, трогал ли я её больше, чем надо, я не уверен, что смогу ответить.

— Врёшь. Вот ведь... Упёртый.

— ... А за собой не замечала? Ты и сама мои мышцы щупала, пока мыла...

— О-обычно я тебя трогала! Просто мыла!

Вот об этом мы стали болтать, а потом я продолжил мыть её спину.

После слов о том, что я упёртый, я уже не мог нормально это делать, потому старался закончить побыстрее.

Спину я помыл, собирался взяться за бока... И тут.

Хватя.

Аяко-сан завела руку за спину и схватила меня за руку.

Так ловко это сделала, что я даже ничего не разглядел.

— ... А?

— На этом хватит, — холодно сказала она. — Здесь мыть не обязательно.

— Нет, но...

— Это уже не спина, а живот. Спину помыл, а живот мыть нечего. Да, нельзя. Об этом мы не договаривались.

— ... Но мне ты бока помыла.

— М.

— И ещё так старательно тёрла.

— Т-тебе можно, у тебя живот подтянутый! А мой... Нельзя. Он... Слишком пухлый.

— Ты слишком переживаешь. Аяко-сан, ты ведь довольно стройная.

— Нет, это не так... В последнее время я себя запустила. Первую неделю, как мы стали вместе жить... Меня переполняло счастье, я расслабилась, и появилось лишнее. Мне же уже за тридцать, потому сбросить вес непросто... — голос становился всё болезненнее.

Я-то думал вначале просто отшутиться. Подумаешь, бока пухленькие. Я не переживал и толстой её не считал.

Но.

Пусть для меня это мелочь, для неё серьёзно.

— ... Когда я трогала твой живот... Сразу же осознала свой возраст. А-ха-ха... В двадцать и у меня тело более подтянутое было, — она стала смеяться, чтобы хоть как-то увести тему.

Смех был болезненным и самоуничижительным.

— ... Всё же было бы лучше, чтобы эти отношения начались, пока я была моложе.

Вроде шутит... Не ясно, насколько Аяко-сан говорила серьёзно. Когда услышал, как она унижает себя, в груди всё сжалось от боли.

Зуд был просто невыносимым.

И тут я заметил.

— ... М.

Я обнял её со спины.

Мы оба были голыми, но меня это не волновало.

Я не мог не обнять её.

— Т-Таккун?!

— ... Не понимаешь... — обнимая... Я ощущал мягкость её кожи и говорил. — Не понимаешь. Аяко-сан, ты совсем не понимаешь. Насколько ты очаровательна.

— А?..

— Первую неделю, пока мы жили вместе... Ты не представляешь, как сильно мне приходилось стараться, чтобы сдержаться.

— С-сдержаться?..

— Я так хотел наброситься на тебя, но всё время сдерживался.

— А, а-а?!

Да.

Я всё время сдерживался.

Ведь хотел дорожить ей.

Думал, что если поддамся желаниям, сделаю ей больно.

Но теперь... Наверное стоило раньше рассказать о них.

Раз она переживает из-за собственного возраста и разницы между нами, а ещё не воспринимает собственного очарования, надо больше и громче говорить о том, как она прекрасна.

— Ты прекрасна, Аяко-сан, — держа в руках, я высказал свои чувства. — Всегда была прекрасна. И в двадцать, и в тридцать.

— ... Таккун. Это... Всё из-за твоих каких-то странных фильтров... Ты видишь меня красивее, чем я на самом деле.

— Даже если так, пусть есть хоть миллионная доля вероятности... Какая разница? Для меня Аяко-сан самая очаровательная женщина на свете.

— ...

— Если честно... Мне кажется, что с годами ты становишься только лучше. От тебя исходит больше сексуальности и феромонов.

— ... М! Ф-феромонов? Не исходит от меня ничего такого... Вроде, — смущённо ответила она и слабо улыбнулась.

И я тоже улыбнулся.

— Вообще... Я бы хотел сделать это раньше... Но могла возникнуть проблема. Когда тебе было двадцать, я был несовершеннолетним.

— Т-тоже верно...

— Так что... Не отказывайся от этих десяти лет.

— Не отказываться...

— Пока я безответно любил тебя, я успел вытянуться, мой голос изменился... Я становился взрослее, и вот ты наконец увидела во мне мужчину.

Десять лет.

Да, прошло десять лет.

За эти десять лет я из ребёнка превратился в мужчину.

Долгие и утомительные десять лет.

Но... Хочется думать, что это время было необходимо.

Благодаря этим дням наступил этот момент.

— Именно сейчас. Только сейчас. Этот самый момент, когда мы можем быть вместе, он именно сейчас.

— ... Таккун.

Она положила свою руку на мою.

— Спасибо. Прости, я снова не пойми чего несла.

— Да нет.

— Уже всё хорошо. Ты придал мне уверенности... Но, — говорила Аяко-сан.

И тут голос стал невероятно спокойным.

— Всё же... Бока я тебе трогать не разрешаю.

— П-понял.

Когда она так холодно сказала это, оставалось лишь согласиться.

Похоже бока женщины — черта, которую пересекать нельзя.

Так что больше не буду касаться этой темы.

... И всё же.

Когда так настаивают, ещё больше потрогать хочется.

И недовольная Аяко-сан миленькая.

Они ведь такие мягкие и выглядят приятными на ощупь...

— ... Точно понял?

— П-понял я, понял!

Похоже поняла, о чём я думаю.

Опасно было.

— Блин, Таккун... Говорю «нельзя», значит нельзя...

— ... Но раньше ведь ты разрешала.

— Тогда — это тогда. А сейчас — это сейчас! — решительно сказала она и продолжила. — В общем живот трогать нельзя...

«Взамен».

Вот так она продолжила.

Девушка взяла меня за запястья.

И стала поднимать.

Обнимавшие руки поднимались выше.

На уровень выступов, в которые врезались.

Жамк.

Ладонями я ощутил нечто очень мягкое.

— Можешь потрогать здесь.

— ... М.

Я лишился дара речи.

Думать я больше не мог.

Но при этом от этого ощущения испытывать мог лишь счастье.

Слегка вспотевшая кожа была мягкой, стоило вложить немного сил, и руки утопали. Хотелось касаться вечно, ощущая это блаженство и тепло.

Поверить не могу.

Со спины я касаюсь её груди.

Не через одежду или бельё, а напрямую...

— А-Аяко-сан?..

— ... Т-Таккун, её ведь ты хотел потрогать больше, чем живот.

— Это... Но ты у-уверена?

— ... Ага.

Определённо смущённо... Но она кивнула.

— Ведь... Ты всё время сдерживался?

Больше можно не сдерживаться.

Вот что это значило.

Так сказала Аяко-сан.

Тут во мне переломились остатки здравомыслия.

— ... М.

Сжимая грудь, я крепче обнял её.

Потом развернул... И поцеловал.

Вначале легко, а потом всё более страстно.

— М... Ах, Таккун!..

— Аяко-сан!..

На нас не было ни ниточки.

Сейчас меня переполняли возбуждение и желание, превосходящие всякое смущение.

Когда Аяко-сан вошла в ванную я уже начал что-то планировать, думаю, и она тоже... Но теперь всё это было неважно.

В теплой ванной наша вспотевшая кожа прижималась, жадно мы желали друг друга.

В этот день я сделаю шаг вперёд вместе со своей любимой... Так предполагалось.

...

Да.

Предполагалось.

Мы уже были готовы, и на тебе.

«Да как же так», — только и оставалось сказать.

Так далеко, мы так далеко зашли... И как холодной водой окатили.

<http://tl.rulate.ru/book/71226/2460794>